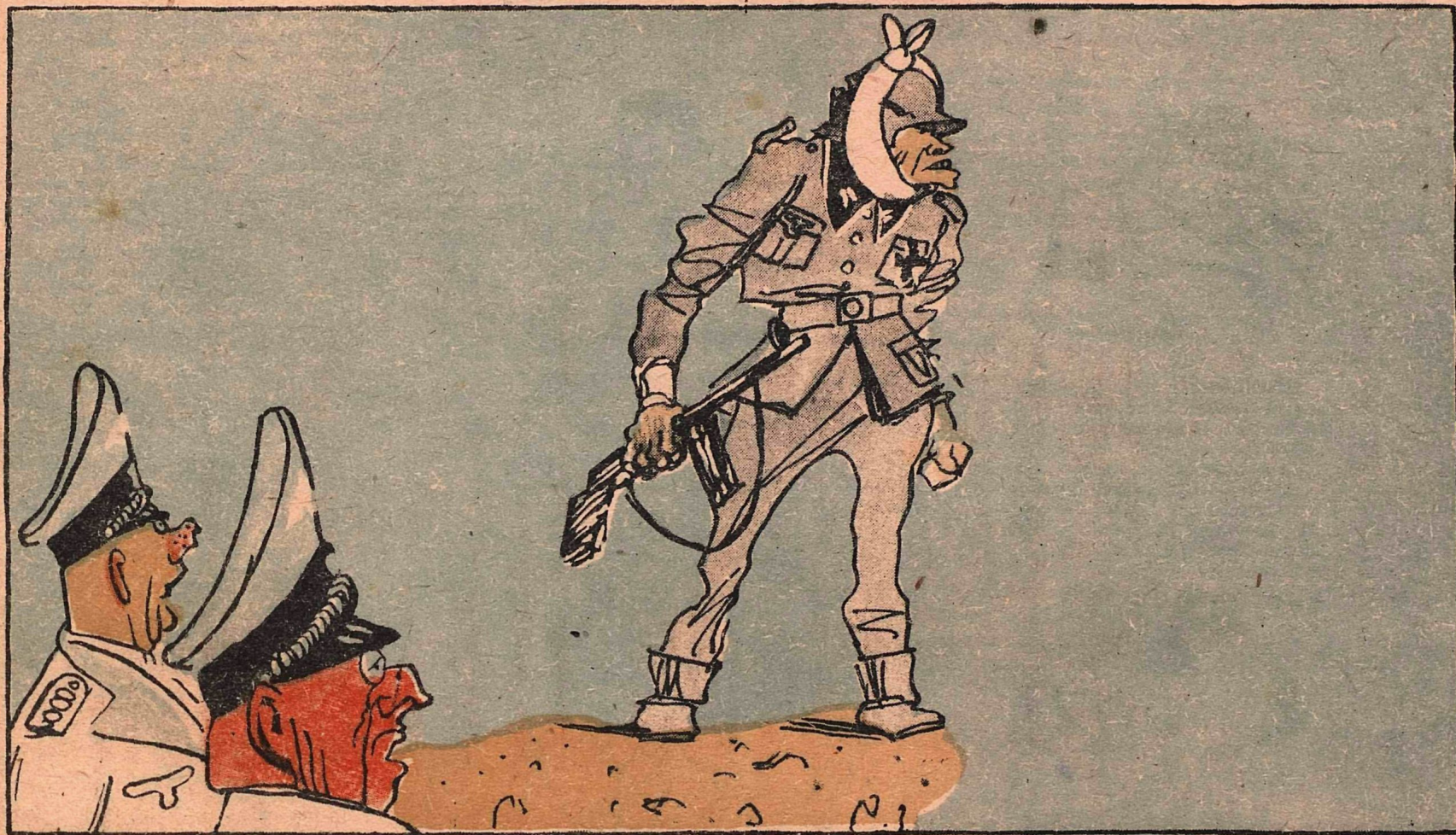

К Р О К О Д И Л

№ 22—23 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

— Боже мой! Во что превратился наш Фриц!
— Помилуйте, два года воюем!

— Смотрите, каким орлом выглядит наш Сидоров!
— Помилуйте! Два года воюем!

Рис. А. Каневского.

ГИГИЕНА И ЗДОРОВЬЕ

Жил один господин, Держал в Берлине колбасную. Торговал гороховой колбасой с разрешения «фиюрера». Однажды задумал этот колбасник привести в порядок свою внешность. А то слишком противно было на него смотреть. Он сам это сознавал.

Рис. Л. Бродаты

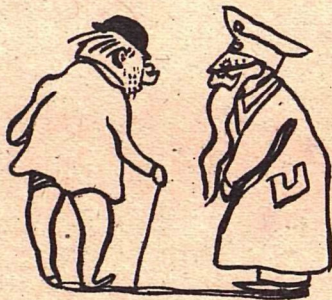
Зашёл он в одну парикмахерскую. Говорит: «Битте-дритте, лобрейте». Парикмахер говорит: «Отчего же нет, садитесь». Сел колбасник в кресло. Начал его парикмахер брить. Разговорились. Пятое-десятое. Из разговора выяснилось, что парикмахер — француз.

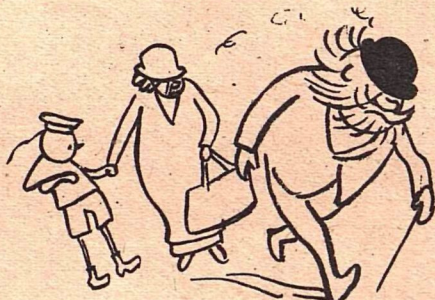
Услышав это, колбасник испугался. Встал. Думает: «Не буду у француза бриться. А то откину голову, а он полоснёт бритвой. Потому — француз. Ненавидит немцев. Опасно у таких бриться». И, значит, не добрившись, вышел из мастерской.

Зашёл он в другую парикмахерскую. Подозрительно оглядел парикмахера. Спросил, какой он национальности. Тот говорит: «Поляк». Немец думает: «Тем более у этого не буду бриться. Этот полоснёт по горлу».

Зашёл в третью парикмахерскую. На вокзале. Там орудут три парикмахера. Тихонько спросил швейцара: «Как вы думаете: не полоснут бритвой, если у них побриться?» Швейцар говорит: «Кто их знает. Один — чех, другой — серб. А третий — итальянец». Услышав это, колбасник задрожал и осторожно вышел.

Прошёл месяц. Пугая людей, ходил колбасник по улицам. Искал чистокровного немца, чтоб спокойно побриться. Однако не нашёл. Даже безногие парикмахеры были мобилизованы.

Недавно колбасника всё же побрили. И не так побрили, как забрили. И в этом отношении гигиеническая мечта колбасника исполнилась.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ОСТРОВ ПАНТЕЛЛЕРИЯ, 20 июня. На местном телеграфе обнаружены следующие две телеграммы:

1. «Ожидая своей очереди, лампедузники выражают своё сочувствие пантеллерийцам. Лампедузники никогда не отставали. Куда вы, туда и мы. Начальник гарнизона о. Лампедузы полковник Пикколо Порко».

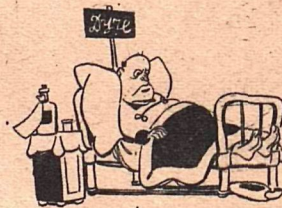
2. «Рим. Дуче. Аве, цезарь! Капитулирующие шлют тебе привет. Августо Бомбардини, генерал от пантеллерии».

БЕРЛИН, 20 июня. В связи с гибелью на Кубани командующего германской авиацией генерал-лейтенанта Руппа официально объявлено, что фиюрер, оценив заслуги покойного, присвоил его супруге звание вдовы.

БЕРЛИН, 20 июня. Как известно, Геббельс в одной из своих последних статей отметил, что многие немцы сейчас «устало направляют свой корабль к пристани Безнадёжности». В связи с этим германское министерство пропаганды выпустило в свет новую карту фашистской Германии. Территорию «третей империи» пересекает заболоченная низменность Звериное Лопово, примыкающая к Большому Бредовому плоскогорью. Путь к пристани Безнадёжности проходит через канал Неворотных Измышлений, мимо Бухты Отчаянья и мыса Большая Паника.

МЮНХЕН, 20 июня. Недавно газета «Мюнхер нейесте нахрихтен» писала о том, что в последнее время в Германии «распространяется слишком много слухов в связи с воздушными налётами». Сегодня получены сведения, что эта статья обратила на себя внимание властей. Решено впредь допускать к распространению только утверждённые правительством слухи. Для начала рекомендуется пустить такой слух: «В Дуисбурге в результате прямого попадания английской авиабомбы в завод возникли три новых цеха и вступила в действие не законченная строительством электростанция».

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Доводится до сведения читателей, что здоровье Б. Муссолини за последние дни вновь ухудшилось. Не оправившись от «африканской болезни», последний стал хворать приступами морской болезни.

Симптомы: рвота, дрожание в коленях, общее пантеллерийное состояние, потеря сна и Лампедузы. Температура + 40 градусов выше ноля. Стул не совсем нормальный. В глазах тоска.

Ст. ординатор Крокодила — заслужен. деят.
М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

Фокин-Мокин

ДАВЕЧА я зашёл в одну артель. К коммерческому директору. Надо было схлопотать одно дельце для нашего учреждения. Один заказ.

Все наши сотрудники бесцельно ходили к этому неуловимому директору. И вот, наконец, послали меня.

Заведующий мне сказал:

— Человек вы нервный, солидный. Сходите. Может, вам повезёт поймать его.

Вообще-то я нелюбитель ходить по учреждениям. Какого-то такого морального удовлетворения не испытываешь, как например от посещения кино. Но раз такое дело, — пришлось пойти.

Прихожу в эту артель. Спрашиваю, где этот Фокин — коммерческий директор.

Уборщица отвечает:

— Фокина нет.

Я говорю:

— Подожду вашего Фокина. Проведите меня в его кабинет.

Сначала уборщица не хотела даже указывать, где его кабинет. А, надо сказать, я человек крайне нервный. Немножко понервничал — и у меня уже голос дрожит, и руки дрожат, и сам весь дрожу.

Недавно на врачебной комиссии доктор велел мне положить ногу на ногу, и по коленке он ударил молоточком, чтоб посмотреть, какой я нервный. Так, можете представить, нога у меня так подскочила, что разбежался весь медицинский персонал. И врач сказал: «Нет, я больше не буду вас испытывать, а то вы мне тут весь персонал изувечите».

Так вот, увидев, что я такой нервный, уборщица провела меня в кабинет к этому Фокину. И я там сел за его стол. И решил не сходить с места, пока не появится сам директор.

И вот скрутил папиросочку и сажу за этим столом. Мечтаю, чтоб кто-нибудь дал мне огонёк закурить.

Открывается дверь. И в кабинет заглядывает какой-то посетитель. Вежливо кланяется мне и улыбается.

Увидев его такую любезность, я говорю:

— Нет ли спичечки закурить?

Посетитель говорит:

— Для вас не только спичку — всё не пожалею отдать.

И с этими словами он вынимает из кармана зажигалочку. Чиркает. И даёт мне прикурить.

Неволью я люблю эту зажигалочку.

А посетитель говорит:

— Прямо буду счастлив, если примете от меня эту зажигалочку!

Я говорю:

— Ну, что вы! Постороннему, чужому человеку вы вдруг будете дарить такую хорошенькую зажигалку! Я прямо не осмелюсь взять.

Тот говорит:

— Составьте моё счастье. Возьмите! Слов нет — я вас увидел впервые, но сразу почувствовал к вам глубокую симпатию.

Обижать мне его не хотелось. Я взял зажигалочку. И крепко пожал руку добродушному посетителю.

Уходя из кабинета, он сказал:

— Кстати, товарищ Фокин, я завтра к вам зайду по одному дельцу.

Я говорю:

— Слушайте, никакой я не Фокин. Я сам Фокина жду.

Не скрою от вас, посетитель зашатался и с грубой бранью стал вынимать зажигалку из моего кармана.

Нет, я бы отдал ему сразу то, что получил. Но меня задела его нетактичность.

Как это можно совать руки в чужие карманы? И вдобавок хватать за плечи!

В момент нашей борьбы открывается дверь, и в кабинет входит ещё один незнакомец.

Увидев, что меня трясут за плечи, незнакомец, вместо того чтоб подать мне помощь, сам кидается ко мне и тоже начинает трясти.

— Я, — кричит, — давно до тебя добирался, Фокин-Мокин!

Не скрою от вас, я поднял крик.

Прибежала уборщица. Она сказала:

— Прекратите возню. Сейчас товарищ Фокин приедет.

Тут мы сели на диван. И стали ждать Фокина.

Мы три часа его ждали. Но он не приехал.

Вежливо попрощавшись, мы разошлись.

Хорошенькую зажигалку мне всё же пришлось отдать симпатичному владельцу.

Мих. ЗОЩЕНКО

СЛУЧАЙ В ГАМБУРГЕ

Когда-то лучшим зоологическим садом считался сад Гагенбека в предместье Гамбурга. С приходом фашистов к власти он захирел, а в годы войны большинство зверей передало от голода.

Приехал в Гамбург журналист нейтральной страны. Он пожелал посетить зоосад. А там остался всего один лев. Дирекция, чтобы избежать конфуза, решила напильник львиную шкуру на какого-нибудь человека, чтобы львов была хоть пара. Обещано вознаграждение — 25 марок.

Нашёлся несчастный немец, польстившийся на эти 25 марок. Обливаясь холодным потом, залез он, облачённый в львиную шкуру, в клетку, по которой гулял лев. Увидев собрата, лев зарычал и сразу стал приближаться.

Лев подошёл к гамбургцу совсем близко... Его страшная пасть была рядом с головой человека, дрожавшего внутри львиной шкуры. Но лев медлил. И вдруг вместо рёва, вместо прыжка зашептал человеческим голосом на чистом немецком языке:

— Послушайте: вы тоже 25 марок получаете?

Влад. ПОКРОВСКИЙ

КРАСНОБАЙ И РАСТЕРЯХА

Один нерасторопный командир

Ужасно до речей был падох

И даже на связном своём мундире

Не мог за месяц привести в порядок.

И каждый вечер вновь и снова

Обхаживал упрямого связного:

— Прошу тебя, привычки эти брось —

Винтовку держишь, словно палку,

Погоны у тебя торчат и шкрявь и вкось,

Пилотка у тебя похожа на мочалку,

На рукаве распорот шов,

Противогаза на тебе не видно...

Ох, как нехорошо!

Ах, как тебе не стыдно?!

Он расточал ораторский свой пыл.

Но сколько командир ни охал и ни ахал,

Красноармеец тот, как был,

Так и остался растеряхой.

Должно быть, командир не читывал

Крылова

Иль позабыл о басне «Кот и повар».

Её мораль оратору такому

На языке невредно б зарубить:

Чтоб там речей не тратил

попустому,

Где нужно власть употребить!

Сергей ШВЕЦОВ

Действующая армия.

ФЮРЕРУ ЛЕГЧЕ

Рис. В. Горяева.

— Тяжело фюреру думать за всех солдат.

— Нет, теперь уже легче. Раньше, например, ему приходилось думать за всех солдат нашей дивизии, а сейчас от дивизии осталась лишь рота.

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ФРАУ ФОН ПАУЛИОС

— Мы с фрау фон Арним считаем, что основное, чем германская женщина должна заниматься во время войны,— это не падать духом. С этой целью мы с фрау фон Арним организовали «Общество жён пленных генералов».

Члены нашего «Общества» не падают духом, хотя быть женой пленного генерала— это ещё хуже, чем быть просто генеральской вдовой.

Прежде всего потому, что вдова знает, что ей носить, а мы не знаем.

Надеть траур, как вдовы, мы, жёны пленных генералов, не можем, потому что наши мужья, так сказать, не пали, а попали.

Мы с фрау Арним решили ходить во всём белом. Наши белые костюмы— это символ белого флага, столь любезного сердцу наших дорогих мужей. Кроме того мы решили, здороваясь, поднимать обе руки вверх.

Наши мужья могут спокойно сидеть в плену: мы не теряем оптимизма и уверенности. Мы с фрау Арним знаем, что если сегодня наши мужья ещё страдают в плену от одиночества, то завтра— по мере развития военных операций на Востоке и Западе— они не будут одиночками и смогут объять многих своих друзей по шпаге и родному белому флагу.

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ИТАЛЬЯНОКОМУ МИНИСТРУ КОЛОНИЙ СИНЬОРИ ТЕРУЦЦИ

— Кричат: Африка, Африка! А что хорошего в этой Африке?

Ничего хорошего! Паршивая страна, с которой связаны сотни неприятностей: жара, пестики, скорпионы, английские танки, американские самолёты, французские стрелки...

Бог с ней, с этой Африкой! Уж мы-то её знаем! Побегали по ней— хватит! Как гласит древнеримская поговорка: «Матрона с колесницы — кобыле легче».

И потом, вот я, министр колоний итальянской империи, спросит меня: я лично что-нибудь потерял в связи с потерей Африки?

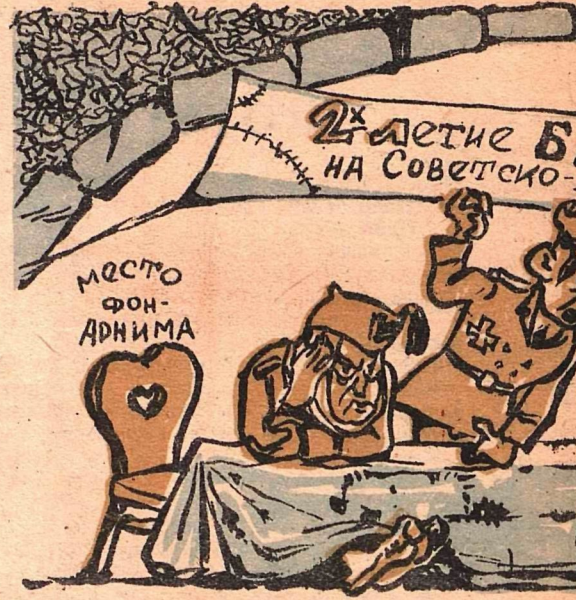
Ровным счётом ничего! Министерство моё существует, жалованье прежнее. А хлопот стало меньше. Да здравствует дуче!

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ КАВАЛЕРУ ОРДЕНА «ДУБОВОГО ЛИСТА» И «ЕЛОВОЙ ШИШКИ», РУКОВОДИТЕЛЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ФИНЛЯНДИИ БАРОНУ ФОН МАННЕРГЕЙМУ

— Господа почтенные! Финляндия хлебушка давно уже не видит. Продайте старику на пропитание армии и населения, сколько можете... Не откажите, милостивцы, а я вам за это...

За неуместное выступление кавалера ордена «дубового листа» и «еловой шишки», руководителя вооружённых сил Финляндии, барон фон Маннергейм лишается слова.

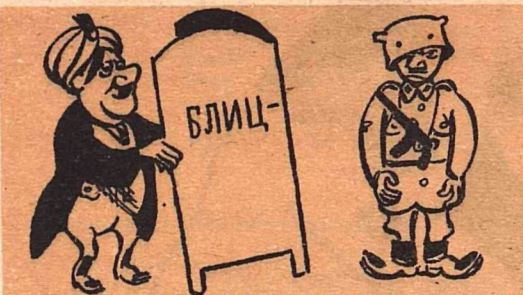
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ

— Я! Я послан вам провидением. Я та через 5—7 дней от русской армии ничего русские уже разбиты. Я так хочу! Я в 19 танки, вся авиация, я, я! Я обещал через не отдам ни Ростова, ни Кавказа, ни Ржева года. Я предупреждаю: если какой-нибудь я говорил, то... я ему шею сверну, зтакая

ГЕББЕЛЬС:— Добрый вечер, господ тревови.

Счастлив вам сообщить, что этот пол дущие. Из 120 самолётов, участвовавших в были, пожары тушатся, разбитые дома по начать художественную часть. Господа, во

Берутся обыкновенная ширма и обыкновенный тупой фриц.

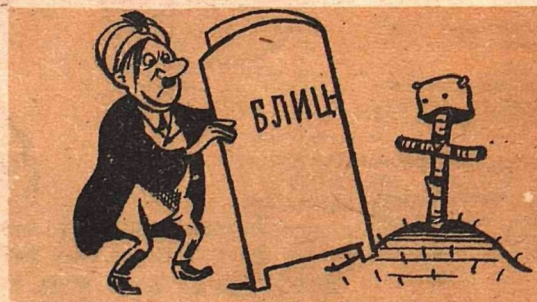
СЕЙЧАС ВЫСТУПИТ НАШУМЕВШИЙ БЛИЦФОКУСНИК АДОЛЬФ В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

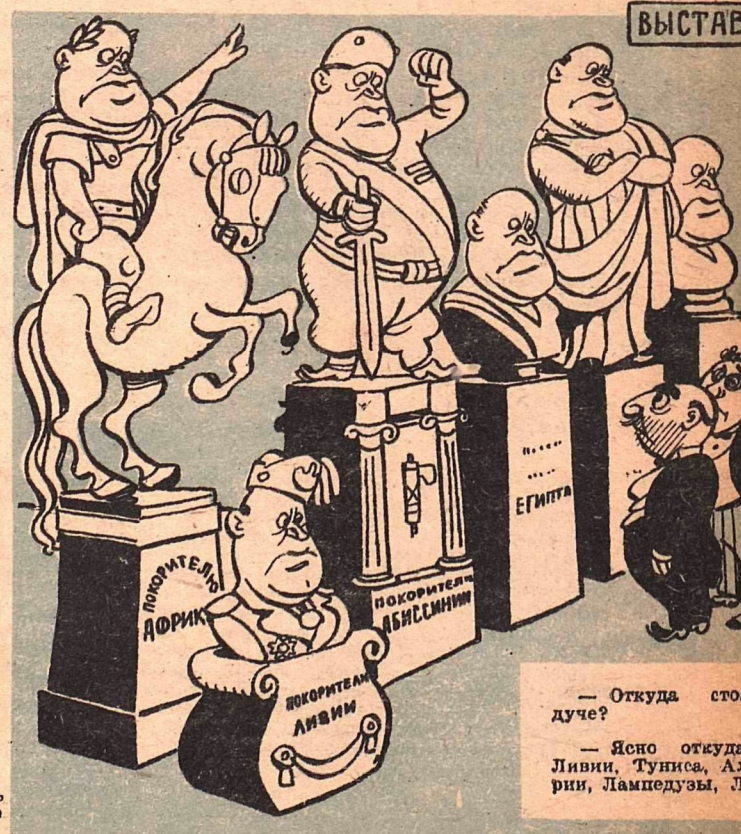
Ейн-цвей...

А сейчас продемонстрируем лошадь, специально выдрессированную для нужд румынской кавалерии. Лошадь сама, независимо от всадника умест сдаваться в плен!

...дрей! Куда девался фриц? Есть ли желающие из публики участвовать в этом фокусе? Нет? Объявляем тотальную мобилизацию.

— Откуда сто дуче?

— Ясно откуда Ливии, Туниса, Арии, Лампедузы, Л

СЛОВО ГИТЛЕРА

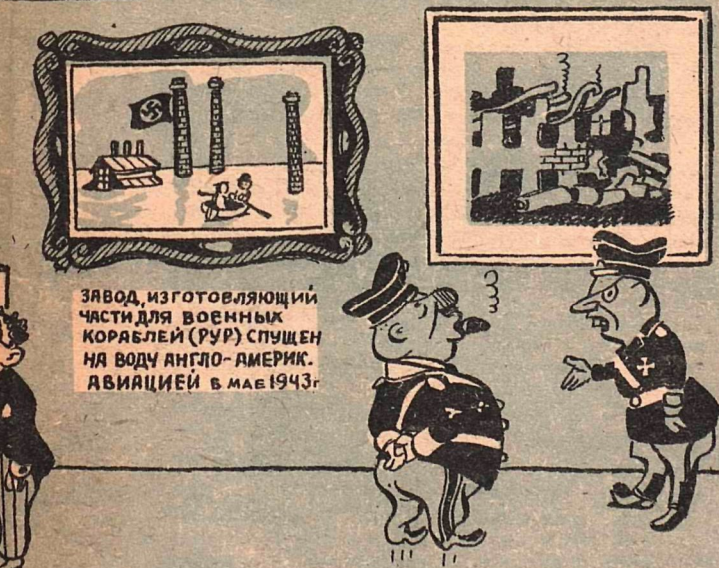
...хочу! Я за эти два года не раз говорил: не останется. Я ещё в 1941 году говорил: 42 году повторил: уничтожены все русские, три дня взять Сталинград. Я уверял, что да, ни Ва-я, я, я! Я много говорил за эти два года, немец посмеет напомнить мне о том, что он свинья-я, я, я!!!

...! Поздравляю вас с отбоем воздушной

...ёт англичан провалился, как и все предыдущие полёты, мы сбили 175. Бомбы сброшены не взрываются. В общем всё в порядке, можно объявлять воздушную тревогу!..

КА в ФОНЕ

ЗАВОД, ИЗГОТОВЛЯЮЩИЙ ЧАСТИ ДЛЯ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ (РУР) СПУЩЕН НА ВОДУ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ АВИАЦИЕЙ В МАЕ 1943г.

...лько памятников

... Из Абиссинии, Джера, с Пантелле-иноса, Лампионы.

— Ах, какие чудные развалины английского города! Я восхищаюсь!
— Осмелюсь доложить, что это не английские развалины, а наши.
— Боже мой! Так разрушить город! Какой вандализм, какое варварство! Я протестую!

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ РАДИОКОММЕНТАТОРУ ГЕНЕРАЛУ ФОН ДИТМАРУ

Для того чтобы начать и успешно закончить молниеносную войну, господа, необходимо, чтобы противники отличались взаимным пониманием. Если противник не понимает, что от него хотят, война принимает уродливые формы.

То, что сейчас происходит на Востоке, — это уже, конечно, не молниеносная война. Русские упорно не хотят считаться с планами немецкого

командования.

Отсюда Сталинград, Средний Дон, Кавказ, Ржев, Вязьма и другие проявления русского упрямства и стратегической нечуткости.

Там, где нашими противниками были полководцы, прекрасно понимавшие каждый аккорд германской военной лиры, как например маршал Петэн во Франции, там блицкриг был разыгран как по нотам.

Подытоживая двухлетний опыт войны с Россией, я с возмущением отмечаю, что русские генералы и солдаты варварски не желают считаться с данными германской военной науки.

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ВДОВЕ ИЗВЕСТНОГО КОЛОНИЗАТОРА УКРАИНЫ, ВЛАДЕЛЬЦА КРУПНОГО ПОМЕСТЬЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ, МАРТЕ ФОН ШТУККЕ

Фрау фон Штукке хотела устно рассказать почтенному собранию о прелестях тахой, идиллической жизни немцев на Украине. Однако в связи с тем, что фрау фон Штукке стала сильно занкаться на почве испуга от налёта партизан, убивших на Украине не только её мужа, но и двух дядей и внучатного племянника, речь её будет отпечатана на машинке и роздана присутствующим в конце заседания.

...будет отпечатана на машинке и роздана присутствующим в конце заседания.

— Герр Мюллер, с чём вы думаете?
— Если я вам скажу, фрау Эльза: я думаю о том, что Гитлер победит, — вы же мне всё равно не поверите. Так что же вы ко мне пристаёте?

— Мой покойный муж писал с фронта, что от русских партизан прямо нег житья.
— А мой Адольф и в глаза не видел русских партизан.
— Счастливее! Как же это ему удалось?
— Его убили югославские партизаны.

СЛОВО ИМЕЕТ РЕЙХСМАРШАЛ ГЕРИНГ

— В последнее время многие немцы надоедают нам вопросом: — Как кончится война?..

На этот вопрос мы отвечаем двояко. Сторонники стратегической доктрины Мольтке утверждают, что война кончится для нас ужасно.

Сторонники стратегической доктрины Шлиффена придерживаются другой точки зрения: они утверждают, что война кончится для нас кошмарно.

Но кроме того есть ещё и пессимисты. Они шепчутся по углам, они распространяют всякие тревожные слухи.

Предупреждаю пессимистов, что мы им будем рубить головы. А эту работу мы умеем делать прекрасно.

В заключение я хочу остановиться на нашей авиации. Итак, что касается нашей доблестной авиации, то... Господа, только что объявлена воздушная тревога, и я вынужден прервать свою речь.

КУПЛЕТЫ МОГИЛЬЩИКА

Мой труд до чортиков тяжёл,
Но пользы мало, тодку вениг,¹
Ну и покойничек пошёл:
Могил не требует, мошенник!

Смотрите здесь, смотрите там —
Не нравится ли это вам?

Для наших трупов на Дону
Земля я приготовил глыбы.
Но много их пошло ко дну —
Цум тайфель². Их сожрали рыбы.

Смотрите здесь, смотрите там,
Не повезло моим трудам.

На Паулюса свежий грунт
Хотел насыпать я; однако
Засыпался фельдмаршал унд³
Надул меня лихой вояка.

Смотрите там, смотрите здесь,
Фельдмаршал был — и сдался весь.

Но фюрер выручит меня,
Уж наступило лето — зоммер⁴,
Боюсь, мой фюрер, как бы я
От перегрузки сам не помер!

Смотрите здесь, смотрите тут,
Ох, чуя: будет нам капут!

¹ Вениг — мало,
² Цум тайфель — к черту.
³ Унд — и.
⁴ Зоммер — лето.

СЕЙЧАС ИМПЕРСКИЙ МИНИСТР ПРОПАГАНДЫ ДОКТОР ГЕВВЕЛЬС ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПУБЛИКИ ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНИ СКАЖЕТ ПРАВДУ

— Наш концерт заканчивается. И вообще, кажется, наша песенка слета...

Коварство и любовь

— А нашему Ивану Ивановичу от всех достается.
— Почему?
— По благу.

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбцам красноармейской печати).

НА УРОКЕ АРИФМЕТИКИ

— Карл, чему равняются четыре тонны?
— Берлинскому кварталу, господин учитель.
— Как так?
— Четырёхтонная английская бомба полностью уничтожила квартал в Тиргартене...

(«За нашу победу»).

ЯСНЫЙ ОТВЕТ

На квартиру к одному хельсинкскому обывателю является полицейский чиновник.

— Почему вы вчера не пришли слушать доклад господина министра Вралемяки на тему «Забота Гитлера о процветании Финляндии»?
— Простите, но я от этого процветания так ослаб, что еле ноги таскаю!

(«Во славу родины»).

НОВОЕ В БОТАНИКЕ

— Тойво Самокайнен, какие растения относятся к злаковым?
— Сосна, господин учитель.
— Почему сосна?
— Потому что, с тех пор как пришли в Финляндию солдаты Гитлера, мы едим хлеб только из сосновой коры.

(«Патриот родины»).

СЕЗОН ОТКРЫТ

— Слышал, Ганс, вчера в Ялте открыли сезон...
— Неужто приехали курортники?
— Нет, советские лёгтики разбомбили наши суда в порту.

(«Сталинец»).

ПОСЛЕ АНГЛИЙСКОГО НАЛЁТА ГИММЛЕР.— Немедленно напечатать в газете, что в Эссене все здания целы.

РЕДАКТОР.— К сожалению, господин Гиммлер, этого нельзя сделать. Бомба угодила прямо в типографию.

(«Сталинец»).

ЛЮДИ — всегда люди. Вот, скажем, Военторг. Встретившись с этим словом, вы настораживаетесь и ждёте повествования об усушках, упрюсках и скудном ассортименте. Но на этот раз вы ошибаетесь.

Автолавка Военторга стоит на опушке берёзового леса. Колёса, крылья, радиатор, весь фургон до крыши забрызганы грязью: дорога была трудной.

Настя — шофёр, старший продавец и капитан этого торгового ковчега — только что вылезла из-под машины. Большая и особенно широкоплечая в своём замасленном шофёрском комбинезоне, она стоит в стороне и, вытирая чёрные руки, докровооткровенно следит за своей новой помощницей Лизочкой, которая неумело маскирует машину молодыми берёзками.

Настя — старый солдат. На войне она больше года была водителем санитарной машины, имеет медаль. У неё мужская походка, широкое лицо с весёлыми веснушками, небольшой, но, как говорят, самостоятельный носик и серые озорные глаза.

Вот товары приготовлены, весы поставлены — лавку можно открывать. Лизочка ещё раз оглядывает запасы, в уме повторяет цены, но сразу сбивается.

— Ох, загутаюсь я! — сокрушённо говорит она.

— Ничего, привыкнешь, — успокаивает Настя. — Это всё ерунда. Я тебя в два счёта обучу. Главная трудность в нашем деле — мужики.

— Что? Кто?

— Мужики, — уверенно говорит Настя. — Мужчины то есть. Бойцы, командиры, а также политработники. Мужик — он жадный и ради своей окаянности идёт на всё. У нас лавка, видишь, вон какая: много не наберёшь. Надо, чтобы всем досталось, и приходится вроде как по норме выдавать, ну а каждый морочит взять себе побольше. Особенно ежели, как сегодня, портвейн. Но ведь он не подойдёт и не попросит прямо. Он будет на психику действовать. Он будет вытрющиваться.

— Как вы сказали? — переспрашивает Лизочка.

— Он выламываться будет. Он про глаза начнёт говорить.

— Про какие глаза?

— А ему всё равно, про какие. Ему, в общем, глаза ни к чему: ему портвейн нужен. Если бы я им всем верила, я свихнуться бы могла от собственной красоты.

— Неужели все такие? — удивляется Лизочка.

— Все, — убеждённо говорит Настя. — А в этой дивизии особенно. Я тут который раз... Вон, гляди, подходит один. Сейчас начнёт...

И Настя принимает вид равнодушный и непроницаемый, так что сержант Вавилов, который подходит к лавке, не знает, с чего начать. Он неловко улыбается. Лизочка с интересом и некоторым испугом смотрит на него, ожидая коварного выпада. Наконец сержант набирается храбрости:

— Как вы себя чувствуете, Настенька? — спрашивает он, сладко улыбаясь.

Настя незаметно подмигивает Лизочке и сухо отвечает:

— Ничего. Вам зубного порошку?

— Нет, мне ничего не надо, — развязно говорит Вавилов, — я ведь просто так, навесить вас. Очень хорошая погода.

— Угу, — мрачно подтверждает Настя и начинает щёлкать на счётах.

— А небо-то, небо! — вдруг восторгается сержант. — Синее, как ваши глаза.

— А у меня вовсе серые, — холодно поправляет Настя.

— Что вы! — ужасается Вавилов. — Они у вас синие. И почему это в женских глазах против мужских такая пронзительность? Я по-

смотрел — и теперь всё равно, как убитый. У меня даже пульс останавливается. Мне теперь не будет покоя...

— Мне не будет покоя, я вижу, — говорит Настя. — Вам что, портвейна?

— Как вы догадались? — притворно удивляется сержант. — Я действительно, между прочим, конечно, так сказать, к стати...

— Платите 63.40, — прерывает Настя его излияния и ставит на прилавок бутылку.

— Видела? — назидательно говорит она, когда сержант уходит. — Вот оно, ихнее коварство! Есть тут ещё такой Горелов Алексей Степанович, младший лейтенант. Из себя симпатичный, а самый вредный. Он не говорит — он глядит. Вздыхает и глядит. Когда я приезжаю, раз десять подойдёт. Встанет у прилавка и стоит. Вздохнёт, скажет чего-нибудь про погоду и ждёт.

— А чего ждёт?

— Известно, чего. Ждёт, пока у меня терпение кончится. Я, значит, тогда ему сама говорю: платите столько-то и берите конфеты или там вино. Он у меня так в прошлый раз десять кило орехов выстоял. Сердце у меня бабье, хотя я в штанах хожу. Ой, гляди, вон он, опять идёт!

Дальше всё происходит так, как говорила Настя. Младший лейтенант Горелов подходит и, вежливо козырнув, останавливается против лавки. Глаза его, устремлённые на Настю, светятся нежностью, на лице написано неподдельное смущение.

«Как ловко притворяется!» — думает Лизочка с ужасом.

Настя, вероятно от раздражения, краснеет и начинает зло копаться в ящиках.

— Займись, — говорит она Лизочке, — мне нервы не позволяют.

— Вам нужен зубной порошок? — спрашивает Лизочка.

— Нет, — рассеянно отвечает Горелов, глядя в машину, где скрылась Настя.

— Мыло?

— Нет. Спасибо.

Настя не выдерживает. Она появляется за прилавком и свирепо, со стуком, ставит на него бутылку.

— Платите 63.40, — зло говорит она.

— Спасибо, — говорит Горелов, платит деньги и уходит.

Настя смотрит ему вслед, и взгляд её полон такого негодования, что кажется, жжёт спину лейтенанту и заставляет его прибавить шаг. Вдруг Настя хватает Лизочку за руку.

— Смотри, смотри, — говорит она, — вот подлец, для других старается!

Лизочка видит сквозь ветки берёзок, как Горелов останавливает какого-то старшего сержанта, отдаёт ему бутылку и получает деньги. Это уж слишком!

— Товарищ младший лейтенант, — кричит Настя, — вернитесь! Идите сюда сейчас же!

Она вне себя от ярости. Когда Горелов подходит, она уже не в силах сдерживаться.

— Это что же такое? — кричит она. — Вам сочувствуют, вам делают снисхождение, а вы, значит, для товарищей роли играете! Прошлый раз десять кило орехов, сегодня три бутылки вина! Я этого так не оставлю!

— Позвольте, Настенька! Настасья Ивановна...

— Не позволю! — бушует Настя. — Я вашему начальству доложу! Дали вам, — значит, вы и пейте! А это знаете, как называется? Это, это...

Она не может найти слов. Горелов пользуется секундной паузой.

— Настенька, да ведь я же непьющий, — говорит он, — не выбрасывать же.

— Как непьющий? — Настя ошарашена. — Так зачем же вы ходите?

Горелов не отвечает. Он только улыбается и, как всегда, нежно и немного смущённо смотрит на Настю прямо в глаза. И Настя вдруг краснеет. В этот момент она не думает о мужском коварстве.

Люди — везде люди.

М. СЛОБОДСКОЙ.

Ничего нового о Шекспире

— Стыдись, Иванов! У своего же учителя просишь двадцать рублей за двухрублёвый билет... Хватит с тебя десяти.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Посвящается авторам халтурных переводов с иностранных языков.

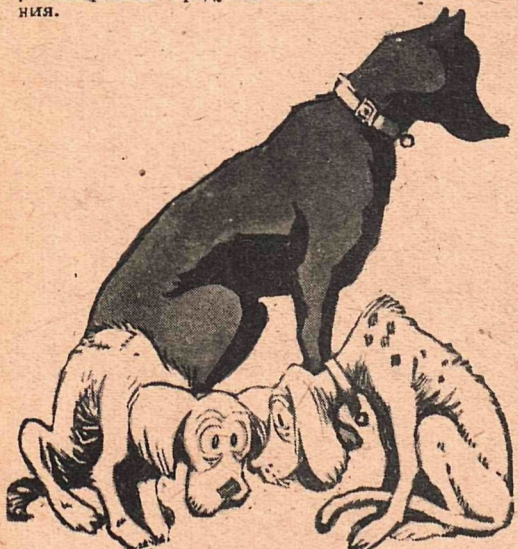
На чистый глядя небосвод,
Он пронул друга за манишку:
— Ну, как твой новый перевод?
— В порядке! Послан на сберкнижку!

В. СЕРГЕЕВ

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Директор столовой № 431
Москворецкого треста столовых
г. Москвы Спирин вместе с
кладовщиком и бухгалтером
систематически присваивали и
разбазаривали продукты пита-
ния.

Рис. К. Елисева.

— Посмотри, как свежо и прекрасно выглядит этот доберман!
— Ещё бы! Ведь он устроился дворняжкой у самого директора столовой Спирина.

Вильям Шекспир писал пьесы. Михаил Гринберг пишет пьесы.

Из двух упомянутых драматургов отдаю, само собой разумеется, предпочтение Гринбергу: у него выдумки больше.

Вильяма Шекспира шаблон заел. Он, чудак, главным образом налегал на отделку своих произведений. У него в каждой пьесе много действующих лиц. Но сам автор бездействовал.

Напишет, бывало, какого-нибудь «Короля Лира» и отнесёт в театр. А затем сидит дома и ждёт ответа. Разве так работают в области искусства?

А между тем, по свидетельству современников, английский драматург отличался хорошим здоровьем. Так что при желании мог бы бегать по именитым людям, мог бы надоедать им и, в конце концов, выклянчил бы у них записочки с похвальным отзывом о своей пьесе.

«Артур, герцог Бретонский, племянник короля, считает, что прилагаемую при сем пьесу В. Шекспира следует скорее поставить на сцене Вашего театра».

«Сэр Майкл, друг архиепископа Йоркского, категорически настаивает, что сочинение Шекспира является выдающимся».

Нет, автор «Ромео и Джульетты» не сумел подняться выше писания хороших пьес. Недаром один из его героев говорит:

«Всё, что я делал, принцы, делал честно... Вы не увидите меня просящим»

Напрасно о позорном снисхождении...»

Судя по некоторым архивным документам, кругозор Шекспира был настолько ограничен, что он даже не понимал значения слова «блат». В этом отношении, надо прямо сказать, драматург Гринберг выгодно отличается от драматурга Шекспира.

Драматург Гринберг сочинил пьесу. И наиболее действующим лицом этого сочинения оказался сам автор.

Автор не погряз в мелочах, не занялся отшлифовкой характеров своих героев: он кинулся на изучение характеров некоторых Героев Советского Союза. Те не выдержали натиска и написали отзыв о пьесе.

Вот тут-то для драматурга и началась пора наивысшего творческого напряжения. Он размножил отзывы знатных знакомых и копии разослал в Комитет по делам искусств, в театры, театральным критикам, всем, всем, всем:

— Разумеете, языцы, что такие-то уважаемые товарищи считают моё произведение блестящим, а посему не имеете права своё суждение иметь и обяваны приступить к постановке моей пьесы. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Из этого краткого анализа творчества двух драматургов напрашивается следующее заключение: Шекспир написал пьесу «Много шума из ничего», а Гринберг сделал много шума из ничего.

Г. РЫКЛИН.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Начальник адресного стола ленинградской милиции (Казахская ССР) задался целью развлечь нас, фронтвиков.

Я запрашивал адрес своего брата, с которым потерял связь после ухода в Красную Армию. Наднях я получил доложанный ответ. Начальник стола точно повторил имя, отчество и фамилию моего брата. И всё это скрепил замысловатой закорючкой. Ни одного лишнего слова!

Что хотел сказать этой бумажкой начальник адресного стола? Где же всё-таки проживает мой брат? Всё это осталось для нас загадкой.

Но зато начальник адресного стола перестал быть для нас загадкой несмотря на свою закорючку. Ведь это же природный затейник: в любом парке культуры ему бы не было цены, в милиции же он работает, видимо, по недоразумению.

С. Ерёмин

Полевая почта 24613 Б.

Дорогой Крокодил!

До чего обидно! Человек старается, из кожи лезет вон, чтобы осуществить интересное мероприятие, однако какой-то пустяк, мелочь, вдруг неожиданно мешает, тормозит.

Я говорю о товарище Рунове, начальнике депо станции Егоршино.

Ввёл он у нас в депо ежедневные плановые совещания. Собирает у себя в кабинете с самого утра заместителей, мастеров, бригади-

ров и планирует, 2 часа планирует. И вот пустяк — работа на производстве — грубо прерывает это чрезвычайно увлекательное занятие.

Товарищ Рунов, нужно сдать справедливость, стойко переносит вынужденный простой и через несколько часов снова собирает всех и опять планирует, и опять 2 часа.

Подумать только, как продуктивно можно было бы засесть, если бы не досадные перерывы на работу! Но ничего. Будем надеяться, что товарищ Рунов найдёт выход, обеспечивающий бесперебойность планирования работы нашего депо.

Инженер А. Петручик

Ст. Егоршино, железная дорога имени Л. М. Кагановича.

Уважаемый Крокодил!

Счень жаль, что ты не бывал в Архангельске, не заходил в горисполком и не лицезрёл его председателя Н. Едовина. Личность эта знаменитая, можно сказать, даже светлая. Она одна освещала архангелогородцев в долгие и тёмные зимние ночи, когда городская электростанция оставляла без току по хвину города.

В лесном городе Архангельске электростанции не хватало дров. Дровами служили отходы лесозаводов. А отходов было мало потому, что многие лесозаводы стояли.

А стояли лесозаводы потому, что электростанция не давала току.

А току электростанция не давала потому, что даже и тогда, когда отходы на лесозаводах были, их своевременно не подвозили.

А не подвозили потому, что подводил городской трамвай.

А трамвай подводил опять та же электростанция.

А электростанцию подводил лучезарный председатель горисполкома, который сейчас, пользуясь нелимитированным освещением белых архангелогородских ночей, готовит конспект очередной речи — «К воплю о снабжении электростанции топливом».

Архангельск.

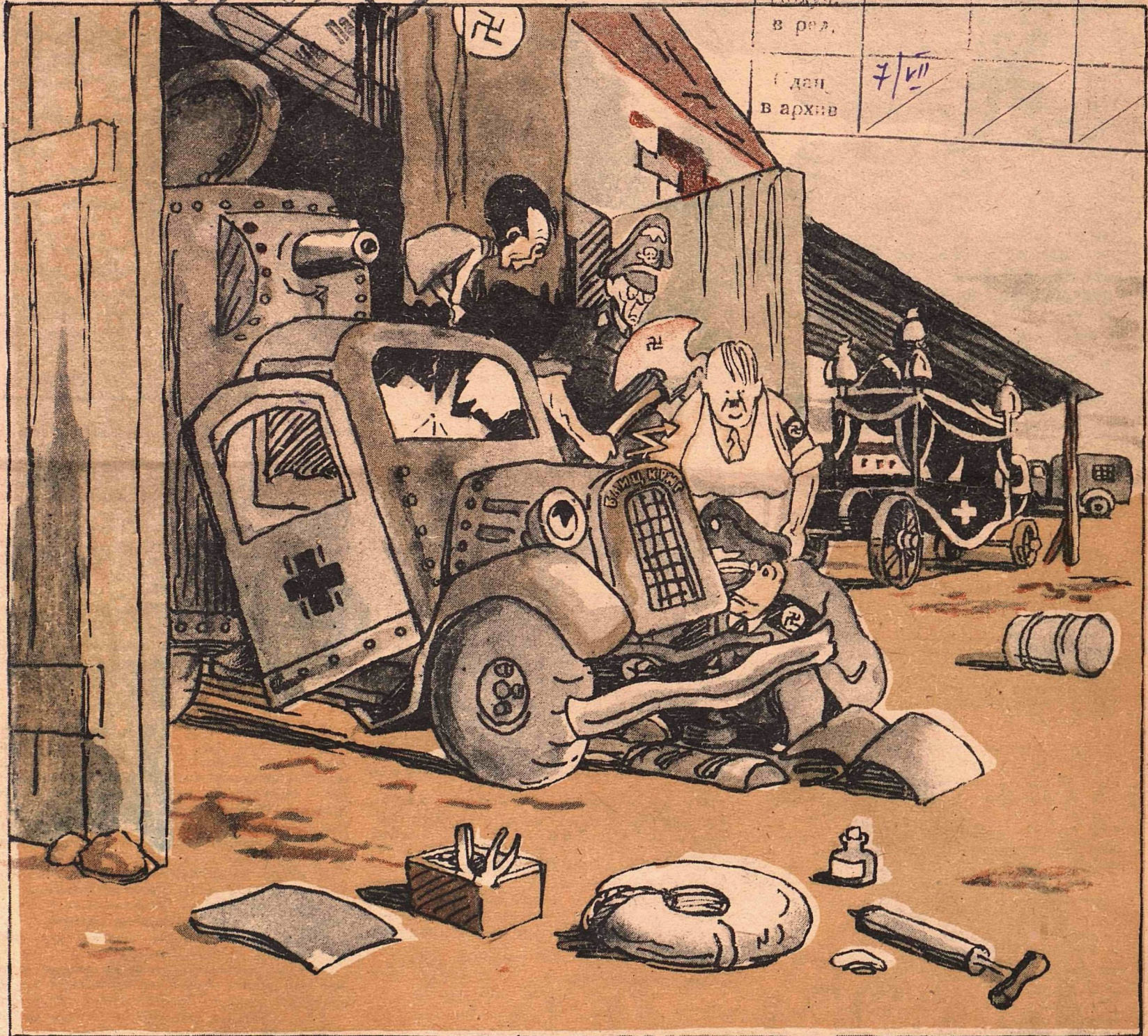
Г. Суфтин

Итак, господа оккупанты,
два года войны —
срок большой.
А ваши войска
(то есть банды)
никак не вернутся домой.
Всё те же дороги лесные,
Но нету возврата назад.
И пули советские, злые,
попрежнему
густо свистят.
Всё те же снаряды
и мины —
и негде укрыться в тиши.
И гложут арийские спины
простые окопные вши.
И бомбы летят повсеместно.

и бьют партизаны в ночи.
И спрятаны — где
неизвестно —
от «полной победы» ключи.
Итак,
господа оккупанты,
пора бы закончить базар.
А ваши войска
(то есть банды)
то в холод бросает, то в жар.
Спокойно!
Такое бывает —
И бледность и немощный вид...
(Когда карачун подступает,
всегда почему-то знобит.)
Да, да,
господа оккупанты,

здоровье больного
«нихт гут».
Военные ваши таланты
зачахли в России,
капут!
Но мы,
господа, вам поможем —
Мы дружный
и верный народ.
Мы наши лекарства умножим —
и кризис на убыль пойдёт.
Даём мы вам честное слово
(А мы обещанья храним!),
что тяжёлый кризис больного
Мы вытравим вместе с большими!

Рис. Л. Бродаты

ОБЪЕЗД ОККУПАТОМ
6 ИЮН 1943
ВСТУП

Получ.	в ред.	дан	в архив
		7/11	

— Что же это будет, братцы? Машина марки «Блицкриг» окончательно развалилась. На чём дальше поедем?
— Ничего. У нас ещё богатый выбор. Либо комфортабельная открытая машина с балдахином либо эlegantный лимузин с решетками. На них и доедем.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 441

Подписано к печати 23 VI 1943 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 1249

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1674.

Тираж — 100 000 экз.